

КОГДА девочка родилась, ей дали имя, которое в переводе означало Принцесса. Брат звал ее ласково Маечкой. Она его — Мурастиком. И был третий, кого она позже стала называть Мишула. Маечке — девять. Мишуле — десять. Она появилась в желтом костюме дышленка в «Докторе Айболите» на сцене театра, где ее отец служил наистом (на — род флейты). Он приходил в тот же театр, поскольку там танцевала его мать, и говорил: «Подумаешь, я тоже так могу!». Их обоих отобрали для учебы в Ленинградском хореографическом училище имени Вагановой. Вернувшись, она стала звездой, он — одним из ее партнеров, поначалу ревнивым в своем честолюбии, после все более преданным в своей любви. В 1975 году они стали мужем и женой.

Когда она умирала, Мурат и Миша были вместе, рядом, и поклялись друг другу в верности на всю жизнь. Это было зимой прошлого года.

Осенью этого года я смотрела из гостиничного окна на длинные, тонкие пряди чинара, и в голову неотвязно лезло, как из школьной программы: Лейли и Меджун... Монтеки и Капулетти... коварство и любовь... «Лейли и Меджун» были их особой удачей, после которой театру присвоили звание академического.

Обе семьи — его и ее — делали все, чтобы происшедшее

может дать человеку человек, озаренный и озаряющий высоко духовностью.

Пожалуй, только о Большом она мечтала. Но Большой все медлил...

«Она была, как бриллиант», — сказала о ней балетмейстер Серебровская.

«Таких балерин немного, их можно пересчитать по пальцам двух рук», — сказал о ней танцовщик Тедеев.

«Она была мне, как родная дочь», — сказала на ее похоронах Уланова.

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ из последней зарубежной поездки она кашляла, испытывала слабость, танцуя, задыхалась. Дома ее показали врачам. Те не на шутку встревожились. Было похоже на свежее воспаление легких, наложившееся на хроническую пневмонию. Подозревали туберкулез.

В Москве муж сразу же положил ее в больницу, легочное отделение которой славилось своими диагностами. Сделали рентген. Настаивали на взятии биопсии. Она не соглашалась. В больнице был спортивный зал. Она просила мужа ежедневно заниматься с ней, чтобы не выйти из формы. «Мишула, давай мне полную нагрузку», — требовала она. Иногда медперсонал просил разрешения зайти посмотреть. Легкая, как птица, обладавшая совершенной, отточенной техникой, она и впрямь казалась каким-то чудесным су-

делать массаж. Научился сам снимать боль. Мыл, умывал, переодевал, выносил на руках на прогулку. Ночами сидел около, разговаривал, если не спала. И не неделю, не месяц — 270 дней и ночей, наполненных трагическим знанием неизбежного исхода. Казалось, можно было бы передоверить больную родным, пригласить на помощь друзей, в конце концов нанять сиделку. Музаффар и помыслить о том не мог. Никаких других интересов, никакой другой жизни. Если отлучался, лишь по ее делам. Едва узнавал о каком-то новом методе лечения, новом лекарстве, новом враче — в Москве, Таллине, Киеве, Кишиневе, — бросался туда. Одни лечили бескорыстно. Другие называли значительные суммы гонораров — он не жалел никаких денег. Он делал все, что мог. Больше, чем мог.

Врач Анатолий Сергеевич Благосклонов: «Мы с коллегами не раз обсуждали этот феномен — то, что не было болей, что ясность мышления, что продлен срок жизни. Медицинская загадка? Или, и правда, сила любви?».

В их искусстве есть термин «поддержка». Специалисты, ценители балета всегда знали, что она как артистка выше него. Но они видели также, какой он невероятно трогательный партнер. По его поддержке можно было судить, как он чуток и надежен.

Ее родные: «У нее были

всем нажитым грузом воспитания, привычек, условностей, предрассудков. Им трудно. Они заставляют страдать других, но страдают и сами. Горе есть горе. Материнское — самое горшее. Бывает, несчастье как бы лишает разума. Люди могут совершать неадекватные поступки. В том числе назвать виновником несчастья человека, бывшего рядом с погибшим. Но потом-то опомниться! Понять — опять повторяю это слово. И даже если чувство отказывается верить, все равно постараться взять себя в руки, заставить себя встать на какую-то высшую точку зрения — во имя памяти! Тут не опомнились. Повторяю, что Музаффар скрыл диагноз из корыстных соображений, не лечил жену, как положено. Им бы гордиться этой любовью, чувством, какой сумела вызвать в другом человеке их дочь, быть благодарными — они предпочли унижить это чувство недоверием, объявив фальшивым. Ради чего?»

«Она воспитывала собственную семью собой, самим фактом своего существования. Она поднимала их своей высотой». Вот какие прекрасные слова были сказаны о Маечке! Ее существование прекратилось, она перестала быть. И что же?..

Есть притча о том, как две женщины привели к судье ребенка, каждая утверждала, что она мать. Чтобы разрешить спор, судья приказал тянуть ребенка в разные стороны: кто перетянет, той он и принадлежит. Женщины принялись тянуть. Но вдруг одна из них отпустила руку: она увидела, что ребенку больно. Судья сказал: забирай его, ты и есть настоящая мать.

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

стало известно людям. Говорили об этом каждому, кто входил в дом, и многим, выходя из дома. Кто скупое, сжаго, кто — с жестами и причитаниями. Обе семьи вербовали себе сторонников. Я выслушала балерин, актеров, журналистов, юристов и медиков — сторонников и противников. Это была тяжелая работа. Легче, когда встречались люди, не желавшие быть ни теми, ни другими, а искренне, глубоко опечаленные случившимся. «Она ушла, кончился праздник, о чем можно говорить, когда эта потеря невосполнима!» — сказала инженер Инна Петровна Васильева, из тех, кого называют поклонницами «звезд», а в действительности близкий человек, бескорыстно служивший Маечке всем, чем могла. «Не хожу больше ни к тем, ни к другим. Когда пришла повестка из прокуратуры по спору о наследстве, порвала ее. Я любила ее как артистку и как человека. В тот год у меня умерла от рака любимая учительница, от рака умер отец — ее уход был самым первым и самым тяжелым».

Сомнения одолевали. Имею ли право писать? Что до этой истории другим? Или она нужна — как чужой опыт, пусть тяжкий, как урок? Три обстоятельства мучили: правда, ложь и — живые люди. Ну хорошо, думала, удастся отслоить правду от неправды — что бесконечно важно. Увидеть истоки того и другого. Но ведь живые люди, им больно, я могу добавить им боли! Правильно ли они поймут меня? А в то же время разве не через боль, не через преодоление ошибок, порой самых горьких, постигаются какие-то истины, происходит необходимая работа души, «во-человечивание», по слову Блока? Ведь это нужно всем, и никому никогда не поздно. Не судей в этом деле выступаю — скорее свидетелем, притом не обвинения, а защиты. И если решаюсь сделать это, то только потому, что хочу верить, что, может быть, слово со стороны поможет взглянуть на вещи в их истинном свете.

ществом из сказки, очутившимся здесь, в больнице, по странному недоразумению.

В конце зимы ей предложили принять участие в торжественном концерте в Душанбе. Там никто ничего не знал, а она так хотела танцевать!

Это было ее последнее появление на сцене.

Весной муж отвез ее во Всесоюзный научный центр хирургии, к известному хирургу Михаилу Израильевичу Перельману. Говорили, никто лучше него не делает операции на легких. Однако после тщательного обследования выяснилось, что об операции речь идти не может. У нее была последняя стадия рака.

Ее перевели в онкологический центр.

«Какой у нее был диагноз?» — спросила я доктора медицинских наук, старшего научного сотрудника отделения химиотерапии Марка Борисовича Вычкова. «Рак легких с множественными метастазами в головном мозге. Спасти ее было невозможно, она была обречена».

Перельман: «При такой форме заболевания, как у нее, люди обычно не живут больше двух месяцев».

Она прожила еще девять.

7 ноября Васильева прилетела в Москву с огромным ящиком роз и ящиком винограда. Она ехала в такси по празднично украшенному городу, к дому постпредства на Донской, и всеми силами хотела надеяться на улучшение.

Маечка уже с трудом ходила.

Инна Петровна вынимала розы с необыкновенно длинными бутонами всех цветов, от белого до черного, за которыми специально ездила с друзьями к известному председателю колхоза, а Маечка сидела и смотрела. «Как вы меня балуете! — тихо произнесла она. И потом: — Когда я узнала, хотела выброситься из окна, но мысль, что это убьет маму и Мишулу... Я решила: как будет, так будет».

Она видела розы в последний раз. Через некоторое время она потеряла зрение. Ей становилось все хуже. Инна Петровна ухаживала за ней, как за родной. Но ведь это, пока она была там. Все время при Маечке безотлучно находился муж, Музаффар.

Отец: «Он ставил над ней эксперименты».

Мать: «Что он без нее, ему платили за нее, только о деньгах он и думал».

Брат: «Ничего не могу сказать — надежнее рук, чем у него, для нее не было, но сейчас я больше ничему не верю».

другие партнеры, и получше. Она могла выбирать. Если захотела, могла танцевать, с кем угодно».

Вероятно, она выбрала его. В каждом из нас есть достоинства и недостатки. В каждой жизни могут быть моменты подъема духа и упадка. Когда в самые трудные часы есть такая поддержка, такая самоотдача, можно думать, что ошибки в выборе не было.

Секретарь ЦК партии республики Гулджахон Бобоева Бобосадыхова после похорон обратилась к находившимся рядом: «Говорят, любовь только в книжках. Вот любовь не в книжках, а в жизни, достойная, чтоб ее воспеть».

КОГДА Маечки не стало, отец ее сказал Музаффару, страшному, желтому, худому, заросшему бородой (дал зарок не бриться, пока она не помирится), что он навсегда останется для него сыном. Это было 1 марта 1982 года. 26 мая того же года отец сидел перед сотрудницей аппарата ЦК партии. В конце беседы она уточнила: «Вы считаете, тут убийство?» (Сообщаю со слов отца).

Что же произошло? Как могла совершиться эта, не укладывающаяся в сознании, перемена?

УЗНАВ о диагнозе сестры, Мурат, любивший Музаффара, как брата, сказал: «Только не говори родителям, это их убьет». И тот смолчал. Взял на себя не только уход, но и огромную моральную тяжесть. Мурат разделял ее. Когда мать, беспокоенная состоянием дочери, все-таки приехала в Москву, между ней и зятем стали вспыхивать ссоры. Внешним поводом были деньги: зачем он столько тратит «Маечкиных денег». Внутренняя причина лежала, конечно, в беспокоействе и тревоге.

Но и в ревности.

Маечка многим была обязана матери. Это мать неустанно поддерживала ее припадочное трудолюбие, снимала заботы быта. Однако Маечка целиком и принадлежала матери. Она была ее ребенком, ее Принцессой, ее слабой, осуществлением всех жизненных мечтаний. Мать ездила в гастрольные поездки, мать разделяла ее успех. Появился Музаффар — надо было всем этим поделиться с ним. И назойливая мысль: а пара ли он ей, а не из корысти ли? Во время болезни Маечка не отпускала мужа от себя, была особо острожно переживала, что оказалась как бы отодвинутой в сторону. Чувство собственности распространяется не только на деньги и вещи. Но зато деньги и вещи могут служить оружием в борьбе.

Благосклонов: «У нее на первом месте было всегда здоровье мамы. Они приходили: «Посмотрите маму, а со мной все в порядке».

Но она кашляла уже на первом своем конкурсе в Варне, откуда вывезла серебро. На Московском конкурсе вышла на сцену с температурой 38 — и завоевала золото. На похоронах Уланова говорила: «Понимаете, есть свой фанатизм, фанатизм искусства, творчества, и мы всегда будем учениками, какими бы ни были награждены высокими званиями...»

Мать: «Она была здорова, как никто. Я не верю, что у нее был рак. Тут говорили, что у нее пневмония. Он нарочно нас обманывал».

ОНА БЫЛА не только их Маечкой.

Она была прославленной балериной с мировым именем — Маликой Сабировой.

Что остается людям, когда уходит большой художник? Остается его жизнь в искусстве, его наследие художника, воплощенные им образы, запечатленные в тысячах сердец. Остается его духовный облик, его нравственная и гражданская позиция, вера и надежда, завещанные живым. Велика ответственность тех, кто жил рядом, — ответственность перед людьми, перед временем. Малика Сабирова принадлежит не только своей семье — она есть часть нашего общего духовного богатства. Нельзя об этом забывать — никому.

На Востоке любят говорить о чести. Но любовь к чести и честолюбию — не одно и то же. Честь ближе к совести, честолюбие ближе к тщеславию.

Кто-то может сказать: о чем вы толкуете, совесть, честь, да это же абстрактные понятия, от них ни тепло, ни холодно, вот деньги, выгоды, связанные с известностью, — это да, это реально.

В ночь похорон Музаффар сказал друзьям: «Что она натворила! Сделала свои идеями моими и ушла, оставив одного...» Есть всякие минуты в судьбе человека. Есть, когда житейский сор засоряет важное, сущностное. И есть — когда оно предстает в наиболее очищенном, обнаженном виде. Перед лицом смерти — такая минута. И если тогда — об идеалах, стало быть, это поистине сущностное.

И дело даже не в том, что она была звездой. А не будь она ею? Да все то же. Масштаб любви, масштаб человечности не зависит от масштаба известности.

То, что случилось, к сожалению, не столь уж редкий факт. Жизнь испытывает нас экстремальными ситуациями, равно как и обыкновенным бытом. Иногда мы не выдерживаем одного, иногда другого.

А люди должны оставаться людьми — во всех ситуациях. Во имя тех, кого мы любим или любили. Во имя их и наших идеалов. Не подменяя ценностей подлинными и вечными преходящими. «...Что ты отдал, то твое...»

НИКОГДА не видела ее на сцене — так сложилось, — но комок стоял в горле в то время, как смотрела маленький документальный фильм, посвященный ее памяти. Вот девочка, прелестная, с огромной куклой в руке, кланяется публике. Она — Маша из «Щелкунчика», а куклу ей дарит замечательный танцовщик Константин Сергеев. Вот женщина, маленькая, хрупкая, серьезная. Вот балерина высочайшего профессионализма и артистичности. В Москве звание ее говорили о поразительном сочетании скромности, такта, восточной закрытости и европейской культуры и интеллигентности. Знала себе цену, но держалась с изящной простотой. В последней ее московской больнице медсестра призналась мне: «Она совсем не походила на народную артистку СССР». У нее были друзья, множество друзей, но были и завистники, недоброжелатели. В последние годы у нее почти отсутствовали новые роли, а она перживала расцвет и могла станцевать практически все. Она обрела мировую известность. Ее звали в другие театры. Она никуда не уезжала. Любила эту землю, взрастившую ее, своего зрителя, перед которым чувствовала себя в неоплатном долгу, и хотела еще долго танцевать для него. Это не было ни попой, ни фразой. Так она чувствовала.

Васильева: «После ее выступления светледа душа. Казалось, знаешь, чем жить».

Подумалось: в этих словах в этом чувстве — прямой ответ на вопрос о том, что дает человеку искусство. И что

после ее смерти: «Он ведет себя не как мужчина...». Но примерно то же говорили о нем, когда Маечка умирала: «Женщина так может ухаживать, но чтобы мужчиной...» Отенок разный. Когда ее не стало, он пил, уезжал, приезжал, подолгу, днем и ночью, сидел у могилы и не мог оставить у могилы. (Рассказываю не с его слов — со слов других, он об этом молчит. Сказал только: «Я был тогда как сумасшедший»). Чья это реакция — женская или мужская? Вообще, что значат эти определения: как мужчина, как женщина? Может, лучше сказать: как человек? В природе одного человека — одно, в природе другого — другое. Дать себе в этом отчет. Помочь, поддержать, если ты друг, если хочешь добра, когда человек, оставшись один, пал духом. Понять. Понимания — вот чего не хватило участникам этой истории.

Узнав, что она безнадежна, Музаффар бросился к народным врачевателям: может, они способны на чудо? Заваривал травы по их рецептам, делал настойки утром, днем и вечером и поил ими Маечку. Научился

ПРОШУ ВСЕХ, кто прочтет эти строки, не спешить с выводами, не писать писем в чей адрес со словами осуждения. Смотреть со стороны легко. Возмущаться, давать советы. Дело в том, что ваши чувства почти не затронуты, вы можете мыслить логично, вы бесстрастны. А тут страсть. Тут люди внутри ситуации, со своей бедой, со

После репетиции Музаффар Бурханов, нынешний главный балетмейстер театра оперы и балета, едет домой. Ему трудно. Не всегда знает, как поступить в жизни. Не все получается в творчестве. Но он поставил «Вечер памяти Малики Сабировой». Выпустил детский балет «Али-баба и сорок разбойников», посвященный памяти Малики, — либретто писали они вместе. Есть сделанные ими записи балетных спектаклей, клавиры, наброски, планы будущей работ — он хочет, чтобы художественное наследие Малики продолжало свою жизнь. Он входит в дом. Открывает дверь, всегда закрытую для посторонних. Пустая комната. Ни мебели, ничего. На полу, вдоль стен, большие застекленные фотоаппараты: Малика в цвете. Две маленькие вазы с цветами и листьями перед ее фотографическим портретом. Побить в этой комнате, оставить за ее порогом все суетное, мелкое... Малика Сабирова начинает каждое утро с того, что ставит на стол две чашки чая: одну себе, другую дочери... Поставить бы ей три чашки. Побить бы вместе с Музаффаром в той пустой комнате. Малика Сабирова похоронена на высоком холме, откуда виден весь город. Многие приходят на это место постоять в молчании. Ее именем названы музыкальная школа, улица в Ленинабаде. Будет памятник. Будет музей-квартира. Не может не быть. Ее жизнь, ее танец, ее любовь войдут в легенду.

О. КУЧКИНА.
Душанбе — Москва.